

Сообщеніе А. В. Пастухова объ его восхожденіи на Эльбрусъ 18 іюля 1890 г. *)

Читано 4-го апр. 1891 г.

Въ 1890 году я былъ командированъ для топографическихъ работъ въ Верхнюю Сванетію. Въ началѣ іюня я пріѣхалъ туда и приступилъ къ съемкѣ наиболѣе высокихъ горъ, входившихъ въ районъ моихъ работъ; сдѣлалъ я это съ цѣлью приучить казаковъ легче переноситъ послѣдствія разреженнаго воздуха, и такимъ образомъ подготовить ихъ къ предстоявшему намъ восхожденію на Эльбрусъ, которое я намѣревался совершить въ концѣ іюля. 24-го іюля, въ 9 часовъ утра, я съ 8-ю казаками и съ проводникомъ-сваномъ выѣхалъ изъ лагеря, находившагос у подошвы горы Ушбы. Мы въ этотъ день успѣли проѣхать 37 верстъ сдѣлавъ одинъ привалъ, и къ 7-ми часамъ вечера пріѣхали на одну изъ полянъ, находящихся на р. Накра. 25-го мы проѣхали всего только 1 верстѣ. 26-го, подѣзжая къ перевалу Донгузъ-орунъ, находящемуся въ Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, мы встрѣтили двухъ свановъ съ лошадью шедшихъ съ сѣвернаго Кавказа, которые, на вопросъ—хороша-ли дорога отвѣтили, что по ту сторону хребта дорога очень плоха и что они тамъ потеряли одну лошадь. Въобразившись на перевалъ, высота котораго равняется 10,493 фут., мы остановились закусить. Въ это время къ намъ подошли два свана, которые отправлялись, какъ потомъ оказалось, на работы въ Урусбиевъ аулъ; закусивъ и отдохнувъ, мы по одиночкѣ стали спускаться на ледникъ, ведя каждый свою лошадь, причемъ догнавшіе насъ пѣшіе сваны пошли впередъ. Не прошли мы и 50-ти сажень отъ перевала, какъ одинъ изъ свановъ остановился и, указывая внизъ пальцемъ, сталъ звать меня. Я подошелъ къ нему и увидѣлъ провалъ въ ледникѣ, а въ немъ, на глубинѣ 3-хъ сажень, живую лошадь. Я велѣлъ принести имѣвшуюся при насъ желѣзную лопатку, и мы начали обрывать по краямъ провала снѣгъ, сваливая его внизъ; черезъ четверть часа образовалась покатость, по которой мы на веревкѣ спустились въ провалъ

*) Первое восхожденіе на вершину Эльбруса совершилъ проф. Фрешфильдъ съ нѣкоторыми другими англичанами въ 1868 г. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1874 г., поднялась на эту вершину партія англичанъ подъ руководствомъ Грове. Въ 1884 г. достигъ вершины Эльбруса извѣстный венгерскій путешественникъ Деши. Въ послѣдующіе годы восхожденія на вершину Эльбруса повторялись чаще и чаще; почти ежегодно прибывали на главный Кавказскій хребетъ альпинисты различныхъ національностей, поднимавшіеся на эту вершину; въ числѣ послѣднихъ ходилъ также г. Мерцбахеръ.

Ред.

одного свана; онъ взялъ за уздечку лошадь, и она въ одно мгновеніе очутилась на поверхности ледника.

Всѣ были очень рады спасенію жизни лошади; одинъ изъ свановъ, похвалившійся знаніемъ дороги черезъ ледникъ, взялъ спасенную лошадь и побѣждалъ съ нею внизъ, не разбирая дороги. Я остановилъ его, далъ ему штыкъ въ руки и велѣлъ идти тише и ощупывать передъ собой ледъ; онъ пошелъ впередъ, а мы на нѣкоторомъ разстояніи другъ-отъ-друга потянулись за нимъ длинной вереницей, ведя за собой каждый свою лошадь; но не прошли мы и ста сажень, какъ найденная лошадь провалилась задними ногами въ трещину; къ ней подбѣжали два свана и нѣсколько казаковъ, схватили ее со всѣхъ сторонъ и стали вытаскивать; при этомъ лошадь выказала немовѣрное стараніе, но вотъ она стала все ниже и ниже спускаться, еще моментъ—и, выпущенная изъ рукъ людей, она полетѣла стремглавъ въ пропасть; но при этомъ не слышно было никакого шума. Люди моментально отскочили отъ этого мѣста, по моей лошади пробѣжала дрожь, и она падала тихое и короткое ржаніе. Я осторожно подошелъ къ провалу, заглянулъ въ него, въ надеждѣ увидѣть тамъ лошадь, но, кромѣ мрака бездонной пропасти, я ничего не увидѣлъ; прислушался—тамъ было тихо, какъ въ могилѣ. Послѣ этого мы изслѣдовали на нѣкоторомъ разстояніи отъ провала эту трещину, нашли самое узкое мѣсто и благополучно провели своихъ лошадей. Далѣе мы двигались съ величайшею осторожностью и, наконецъ, миновавъ нѣсколько трещинъ, выбрались съ ледника, и тутъ только до того молчавшіе казаки стали дѣлиться своими впечатлѣніями. Одинъ изъ нихъ при этомъ замѣтилъ: „Вотъ, братцы, ровно во снѣ видѣли лошадь“; потомъ оставшую часть пути и на ночлегъ у казаковъ только и разговора было, что о погибшей лошади, и они, наконецъ, порѣшили, что, видно, судьба ея такая. Пройдя отъ ледника съ версту, мы поднялись на пригорокъ, съ котораго открывается восхитительный видъ на ледники, спускающіеся съ горы Донгузъ-орунъ, и на озеро того-же названія, имѣющее въ длину около 400 саж. и въ ширину около 150 саж. Одну изъ сторонъ этого озера составляетъ весьма красивая и поросшая березовымъ кустарникомъ морена, за которой окруженный гребнями моренъ, какъ въ ялицѣ, лежатъ, весь заваленный камнями, ледникъ Донгузъ-орунъ.

При началѣ спуска съ этого пригорка всѣ три свана взяли по камню и бросили ихъ въ находящуюся направо отъ дороги довольно большую кучу изъ камней различной величины. На вопросъ мой, сваны отвѣтили, что это дѣлаетъ всякій, кому удастся пройти благополучно черезъ перевалъ; я, ради шутки, велѣлъ всѣмъ казакамъ сдѣлать то-же самое, при-

чемъ одинъ изъ нихъ притащилъ цѣлую полу камней. Сваны отъ души смѣялись, глядя на продѣлку казаковъ. Въ 5 часовъ мы подъѣхали къ опушкѣ сосноваго лѣса. Хотя до заката солнца намъ можно было-бы добраться до хутора, лежащаго при слияніи рѣкъ Азау и Терсколь, отъ котораго мы уже должны были начать свое восхожденіе, но я рѣшилъ остановиться ночевать здѣсь на опушкѣ лѣса. Тутъ были удобства для этого: кормъ лошадямъ, дрова, вода и ровное мѣсто для ночлега; отсюда же былъ видѣнъ и Эльбрусъ, который я хотѣлъ хорошенько рассмотреть на другой день и выбрать окончательно путь восхожденія. Эльбрусъ былъ открытъ и только изрѣдка по немъ пробѣгали маленькія тучки. Передъ сумерками все ущелье р. Баксана заволокло туманомъ, но около десяти часовъ вечера туманъ осѣлъ, образовавъ сильную росу. 27-го іюля, съ восходомъ солнца, я поднялся на вершину гребня, на скатѣ котораго мы ночевали, и отсюда сталъ обобрѣвать Эльбрусъ, который былъ мнѣ видѣнъ весь, начиная отъ самой подошвы. Я выбралъ путь, спустился къ мѣсту нашего ночлега, гдѣ казаки ожидали меня уже съ осѣдлыми лошадьми, и мы сейчасъ-же отправились въ дорогу и скоро спустились въ Баксанское ущелье, имѣющее въ этомъ мѣстѣ совершенно плоское дно, наибольшая ширина котораго доходитъ до 380 саж., и сплошь покрытое прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ, на опушкѣ котораго, и преимущественно на сѣверныхъ скатахъ, растеть мелкая береза. Въ 8 часовъ мы прибыли на хуторъ, находящійся на р. Терсколь, на высотѣ 6,944 фут.; здѣсь мы встрѣтили хозяевъ этого хутора, урусбиевскихъ татаръ, занимавшихся покосомъ; они насъ приняли любезно, но потомъ продали намъ говядину и хлѣбъ очень дорого. Мы наскоро сварили въ татарскомъ котлѣ всю говядину, пообедали и, оставивъ при лошадяхъ одного казака и проводника-свана, я съ семью казаками Хоперскаго полка ровно въ 10¹/₂ часовъ утра сталъ подниматься по хребту между рѣками Азау и Терсколь. Было совершенно тихо и ясно; на темно-голубомъ небѣ ни одного облачка; воздухъ былъ накаленъ до 35°. Сначала мы шли, конечно, безъ всякой дороги, сосновымъ лѣсомъ; каждый изъ насъ несъ, считая и одежду, не менѣе полутора пуда. Такая почтенная ноша, сильная жара и крутизна горы порядочно давали себя чувствовать и мы изрѣдка садились отдыхать въ тѣни деревьевъ, причѣмъ утоляли жажду взятой съ собою водой. Но вотъ лѣсъ сталъ рѣдѣть, сосны попадались все ниже и корявѣе, а скоро и совсѣмъ кончились, и мы, отдохнувъ подъ послѣдней сосной на высотѣ 7,840 ф., вышли на совершенно открытое и поросшее мелкой травой мѣсто. Приближался полдень; солнце немилосердно насъ жгло; покатость становилась круче, а тутъ и вода, взятая

нами, кончилась и насъ сильно мучила жажда; вблизи видѣть не было воды. Скоро мы встрѣтили еще одно препятствіе: намъ пришлось подниматься по осыпи, гдѣ положительно, какъ говорится, дѣлали одинъ шагъ впередъ, а два назадъ. Но, наконецъ, послѣ многихъ усилій, дѣлая всевозможные выгваги, мы поднялись на хребетъ, гребень котораго состоитъ изъ скалъ; въ нихъ мы замѣтили двѣ арки въ родѣ знаменитаго кольца горы близъ Кисловодска; только встрѣченные нами здѣсь гораздо грандіознѣе. Когда мы были вондѣ одной изъ нихъ, насъ засталъ дождь, отъ котораго пришлось укрыться подъ этой аркой. Въ то время, когда мы сидѣли подъ аркой, подъ нею-же пролетало очень много мелкихъ птичекъ, которымъ повидимому нравилась прогулка черезъ эти естественныя ворота. Скоро дождикъ кончился, и мы снова отправились въ путь. Вскарабкавшись на нѣсколько уступовъ, мы очутились на концѣ площадки, въ версту длины и въ среднемъ около 100 саж. ширины, на высотѣ 9243 ф. Какой восхитительный видъ открывается отсюда! Прямо—совершенно ровная зеленая площадка, направо—спускается страшными обрывами, наборожденный безчисленнымъ множествомъ трещинъ, ледникъ Терсколь, изъ-подъ котораго съ шумомъ вырывается рѣка того-же названія: налѣво—черезъ зеленую ложбину, видѣется ледникъ Гарабаши; выше—громадныя пространства, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, а еще дальше, упираясь въ темно-синее небо, поднимаются двѣ гигантскія вершины Эльбруса, которыя кажутся такъ близко, какъ будто до нихъ было не болѣе часа ходьбы. Пройдя площадку и переваливъ черезъ вершинку, покрытую щебнемъ, на которой я нашелъ въ высшей степени душистыя желтыя незабудки, въ 5 часовъ 12 минутъ пополудни мы очутились въ котловинѣ, на высотѣ 11,081 фут.; здѣсь уже не было никакой растительности. Отсюда я одного казака отправилъ къ оставшимся внизу, а съ остальными шестью казаками расположился ночевать. Хотя до сумерекъ оставалось еще болѣе 3-хъ часовъ и можно было-бы продолжать путь, но надвигавшіяся съ запада тучи предвѣщали скорую и сильную грозу. И дѣйствительно, не прошло получаса, какъ загудѣлъ громъ, подулъ вѣтеръ и пошелъ дождь, вмѣстѣ съ которымъ падалъ градъ, сначала крупный и рѣдкій, потомъ все мельче и чаще и, наконецъ, превратившись въ таковыя называемую крупу, онъ такъ посыпалъ, что и свѣта Божьяго не стало видно. Черезъ часъ тучи пронеслись и гроза утихла, но земля оказалась на 2 вершка покрытою градомъ, и температура понизилась до 0°. Къ этому времени поспѣло и наше какао, которое мы варили во время грозы на фотогенной печкѣ подъ буркой. Закусивъ, напившись какао и не дожидая сумерекъ, мы легли спать, съ тѣмъ, чтобы на другой день раньше встать и пр. дождать путь дагѣ.

28-го іюля, въ 4 часа утра, температура—2,° Ц. . Въ 8 часовъ выступили въ путь, который на этотъ разъ лежалъ по базальтовымъ глыбамъ, нагроможденнымъ ледниками; налѣво отъ насъ тянулись морены ледника Гара-баши, свидѣтельствовавшія о громадной механической силѣ природы, создавшей ихъ. Почти вездѣ и во всемъ, гдѣ намъ приходится только наблюдать дѣйствіе этой силы, мы видимъ, что она разрушаетъ; тутъ-же, наоборотъ, она создаетъ, причѣмъ созданныя ею морены сохраняютъ замѣчательную новизну; несмотря на вѣка, пронесшіеся надъ ними, онѣ кажутся какъ-будто образовавшимися нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но есть морены, на которыхъ теперь растетъ строевой лѣсъ; какъ, напримѣръ, на моренѣ при концѣ ледника Азау, который въ очень отдаленныя времена на нѣсколько верстъ спускался ниже, о чемъ свидѣлствуютъ оставленные имъ морены, да мѣстами отшлифованныя скалы ущелья. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ существуетъ и теперь, въ прежнія времена онъ былъ несравненно толще, что видно по сглаженнымъ скаламъ, поднимающимся болѣе 10-ти сажень надъ современнымъ уровнемъ ледника. То-же самое можно замѣтить и на ледникахъ Терсколь и Гара-баши, гдѣ сильно отшлифованныя скалы значительно поднимаются надъ ледникомъ, а мѣстами на выступахъ ихъ лежатъ камни, ничего общаго не имѣющіе съ ними, но принесенные туда ледникомъ.

Въ 10 часовъ утра мы достигли южнаго края средней части ледника Терсколь. Солнце сильно пригрѣвало и на ледникѣ, имѣющемъ въ этомъ мѣстѣ почти горизонтальное положеніе, стояли большія лужи воды.

Тутъ мы связались между собою веревкой и вступили на ледникъ, по которому и пошли довольно быстро, пока не стали попадаться намъ трещины, заставившія насъ лавировать по всѣмъ направленіямъ, а черезъ инныя перепрыгивать. Глубина этихъ трещинъ мѣстами, какъ мнѣ казалось, доходила до 100 сажень. Далѣе мы встрѣтили массу стараго снѣга, толщина котораго доходила до 2 аршинъ. По немъ мы и пошли сначала безъ всякаго затрудненія, но вскорѣ я, какъ шедшій впереди, провалился въ закрытую снѣгомъ трещину, и только благодаря связывавшей насъ веревкѣ не полетѣлъ на дно ея. Продолжая путь, мы стали проваливаться на каждомъ шагу въ размякшій отъ лучей солнца снѣгъ. Наконецъ, я снова провалился въ трещину и, выбравшись изъ нея, убѣдился, что ее обойти нельзя никакимъ образомъ, такъ какъ она въ обѣ стороны тянулась на громадное разстояніе и наконецъ соединялась съ другими трещинами, а потому я и рѣшилъ вернуться назадъ, для того, чтобы на другой день пройти это мѣсто рано утромъ, когда отъ мороза снѣгъ дѣлается крѣпкимъ. Въ 12¹/₂ часовъ дня мы повернули обратно;

въ это время пошелъ снѣгъ, который, впрочемъ, скоро прекратился; но съ запада надвигались страшныя тучи и предвѣщали непогоду. Дойдя до маленькой морены на высотѣ 12,040 ф., мы рѣшили здѣсь остаться почевать. Казаки начали готовить ужинъ, а я сталъ бродить по окраинѣ морены, и тутъ на старомъ снѣгу замѣтилъ массу мертвыхъ насѣкомыхъ, которыя, какъ мнѣ кажется, были не что иное, какъ ледниковыя блохи. Объ этихъ насѣкомыхъ я позволю себѣ, сказать нѣсколько словъ. Въ 1887 г. я производилъ топографическую съемку въ верховьяхъ р. Шаро-Аргуна. 12-го августа я находился на самой горѣ, на высотѣ 9,835 ф., гдѣ въ первый разъ встрѣтилъ этихъ козявокъ въ старомъ снѣгу; только онѣ здѣсь были живыя. Козявки эти имѣютъ форму сигары и вдвое менѣе блохи; имѣютъ четыре ноги и двое щупальцевъ; онѣ вьются, какъ пиявки, и прыгаютъ какъ блохи; моментально проползаютъ черезъ плотно скатанный кусокъ снѣга, діаметромъ въ шесть дюйм.; при раздавливаніи ихъ получается фіолетовая краска, при таяніи снѣга онѣ въ водѣ быстро умираютъ, причеиъ нѣкоторые изъ нихъ падаютъ на дно сосуда, а другія плаваютъ на поверхности воды; на воздухѣ безъ снѣга тоже быстро умираютъ. На натаенный стаканъ воды ихъ приходится до 200 шт. Такихъ точно козявокъ мнѣ еще пришлось встрѣтить, также въ старомъ снѣгу, близъ горы Ушбы, въ Сванетіи.

Возвращаюсь опять къ нашему путешествію. Въ 5 часовъ подулъ сильный западный вѣтеръ и пошелъ снѣгъ; потомъ разыгралась страшная метель, продолжавшаяся до 7-ми часовъ. Послѣ этого все стихло и стало подмораживать. Въ 8 часовъ 30 минутъ вечера температура была 4° Ц.

29-го іюля, въ 4 часа утра, при температурѣ 5,2, тронулись въ путь. Проваливавшійся наканувѣ снѣгъ теперь былъ твердый, и мы быстро подвигались впередъ. Во многихъ мѣстахъ черезъ едва закрытыя снѣгомъ трещины намъ приходилось класть имѣвшійся при насъ шестъ и по немъ, осторожно передвигая ноги, перебираться черезъ эти пропасти. Въ 6 часовъ 40 минутъ достигли группы скалъ на высотѣ 13,461 фут.; тутъ уже не было льду, а тянулись фирновыя поля, покрытыя твердой полуледяной корой; около скалъ, подъ фирномъ, журчали ручьи; одинъ изъ нихъ съ помощью штыковъ легко откапали и набрали воды. Здѣсь мы позавтракали, подвязали къ ногамъ стальные кошки, надели темныя очки и въ 9 часовъ 40 минутъ пошли далѣе. Было тихо и ясно и снѣгъ производилъ ослѣпительный блескъ. Дѣлая громадные zigzagi, чтобы умѣрить крутизну подъема, мы по ровной и гладкой, какъ зеркало, ледяной корѣ шли легко и довольно скоро. Теперь путь нашъ имѣлъ направлеііе прямо на сѣверъ. Въ 11 часовъ подошли къ маленькой группѣ камней,

гдѣ также встрѣтили воду. Отсюда начинается очень крутая покатошь, идущая съ небольшими измѣненіями вплоть до мѣста, покрытаго мелкими камнями, въ видѣ морены, и находящагося на высотѣ 15,358 ф. Здѣсь мы хотя и нашли воду, но въ очень маломъ количествѣ, сочившуюся коегдѣ изъ-подъ камней. Здѣсь я нашелъ крылышки, принадлежавшія степному жаворонку, занесенному сюда, по всей вѣроятности, какимъ-нибудь крылатымъ хищникомъ. Въ 5 часовъ пополудни мы достигли группы скалъ на юго-восточномъ скатѣ восточной вершины Эльбруса, на высотѣ 16,590 ф. (на 44 ф. выше горы Казбека). Ровно годъ назадъ, въ этотъ самый день, только часомъ раньше, я достигъ вершины Казбека. Здѣсь мы и остались ночевать. Во весь этотъ день мы не видали ни одной птицы. Въ 6 часовъ вечера термометръ показывалъ $-6,3^{\circ}$ Ц. Западный вѣтеръ, начавшій дуть съ 4-хъ часовъ, къ этому времени достигъ страшной силы, неся съ собою черныя грозовыя тучи, которыя волнами перекатывались черезъ хребетъ, соединяющій Эльбрусъ съ Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, и наполняли Баксанское ущелье; далеко на западѣ, надъ Главнымъ хребтомъ, косыми полосами спускался дождь и снѣгъ. Эти полосы, пронизанныя лучами заходящаго солнца, вмѣстѣ съ вызолоченными гривами несущихся тучъ, представляли величественно-прекрасную хаотическую картину. Вокругъ скалы, подъ которой мы пріютились, страшно завывалъ и свистѣлъ вѣтеръ, по временамъ обсыпая насъ мелкой снѣговой пылью. Въ 8 часовъ вѣтеръ утихъ, что было замѣтно и внизу, такъ какъ несшіяся прежде съ страшной быстротой тучи остановились и какъ-бы застыли, причемъ поверхность ихъ, представлявшая своего рода горы, стала быстро выравниваться и даже сглаживаться, и изъ темно-сѣрыхъ онѣ превратились въ черныя. Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ блеснула молнія и загудѣлъ далеко, далеко внизу громъ; тучи снова заколыхались и началась гроза. Поминутно вспыхивала молвія и гудѣлъ громъ. А вокругъ насъ было тихо и морозно, надъ нами на темно-голубомъ небѣ блестяли яркія звѣзды и между ними дрожа горѣла такъ-называемая Внелеемская звѣзда. Все это было такъ похоже на зимнюю ночь гдѣ-нибудь на далекомъ сѣверѣ. Морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ и въ 9 часовъ онъ уже достигъ 10° Ц. Налюбовавшись этой дивной и необыкновенной картиной, я легъ на краю около спавшихъ уже казаковъ. На случай вѣтра насъ защищала, съ одной стороны, отвѣсная скала, съ другой—большой камень, а съ остальныхъ двухъ—стѣнка, фута въ два высоты, сдѣланная казаками изъ камней; а внутри этой загородки промерзшая земля съ мелкимъ щебнемъ была выравнена лопатой, и на этой площадкѣ мы улеглись на разостланныя бурки, плотно прижавшись другъ къ другу; причемъ я и одинъ изъ

казаковъ, имѣвшій лучшую одежду, сравнительно съ другими, легли по краямъ; мы всё сплошь покрылись бурками и намъ было тепло, и очень хорошо спалось. 30-го юля, въ 4 часа утра, $t = -12\frac{1}{2}^{\circ}$ Ц. На разсвѣтѣ, мнѣ пришлось наблюдать необыкновенную картину: на западѣ была видна проекція земного шара, представившаяся въ видѣ сегмента, сине-сѣраго цвѣта, на сѣверномъ краю котораго, и частью выше его, рѣзко проектировался Эльбрусъ; но проекція его была ярко-синяго цвѣта. Эта картина была поразительна по своей необычности. Не менѣе удивительную картину представлялъ восходъ солнца, при которомъ открылся неизмѣримо обширный горизонтъ. Поверхность земли, изъ-за которой совершался кажущійся восходъ солнца, исчезала въ туманной дали, а потому солнце выходило изъ пространства, далеко отстоящаго отъ земли.

Долго еще окрестныя ущелья находились въ утреннихъ сумеркахъ, послѣ того, какъ намъ было уже видно солнце. Въ 6 часовъ мы отправились въ путь. Было тихо и совершенно ясно. Кавказскій хребетъ былъ совершенно открытъ и представлялъ дивную панораму. На востокъ чуть видѣлся въ утреннемъ туманѣ, какъ мнѣ казалось, Каабекъ. Ближе къ нему высіялись Дыхъ-тау, Каштанъ-тау, Гистала, Тетнулды и Чхара, которыя составляли какъ-бы отдѣльную семью и между которыми трудно было опредѣлить Главный Кавказскій хребетъ. На юго-востокъ отъ насъ находилась красавица Ушба, выскочившая далеко выше окружающихъ ее вершинъ. Между Гисталой и Ушбой и далѣе, на западъ отъ послѣдней, рѣзко обозначался Главный Кавказскій хребетъ, терявшійся въ утренней мглѣ далеко, у Чернаго моря. Отъ мѣста ночлега мы пошли на западъ почти въ горизонтальномъ направленіи, пересѣкая очень крутую покатость, покрытую окрѣпшимъ снѣгомъ, который подъ лучами утренняго солнца блестѣлъ милліонами брилліантовъ и скрипѣлъ подъ нашими ногами. Скоро мы выбрались на болѣе пологую покатость и тутъ стали дѣлать зигзаги; понемногу поднимались вверхъ; затѣмъ снова пошли въ западномъ направленіи, дѣлая довольно значительный подъемъ.

Тутъ нѣкоторые казаки стали чувствовать тошноту, а вскорѣ и всё мы стали страдать отъ нея. Съ каждымъ шагомъ она дѣлалась все мучительнѣе и мучительнѣе и, чтобы удержаться отъ обыкновенныхъ послѣдствій ея, намъ приходилось очень часто останавливаться; въ это время тошнота замѣтно уменьшалась; но какъ только трогались съ мѣста—она возобновлялась съ новою силой. Въ особенности нестерпимо мучила она во время неожиданныхъ остановокъ, которыя приходилось дѣлать при каждомъ замедленіи хода кого-нибудь изъ казаковъ, такъ какъ мы всё опять были связаны веревкой. Наконецъ, я велѣлъ развязаться, ибо тутъ

ужь трещинъ не было, да и покатость была невелика. Чтобы уменьшить тошноту, мы принимали гофманскія капли и ѣли лимоны, но и это несколько не помогало. Вскорѣ мы вступили на сѣдловину между вершинъ Эльбруса, которая тянется съ сѣвера на югъ на разстояніи 400 саж., дѣлая при этомъ незначительное паденіе. Въ 10 часовъ 8 минутъ утра мы достигли мѣста, находящагося на западномъ скатѣ восточной вершины, на высотѣ 17,514 футъ (на 418 футъ выше горы Дыхъ-тау, первой по высотѣ на Кавказѣ послѣ Эльбруса). Здѣсь на обнаженныхъ мелкихъ камняхъ мы легли и вскорѣ заснули. Проснувшись около 2-хъ часовъ по полудни, я попрежнему чувствовалъ тошноту и сильную головную боль, причѣмъ будто молотками стучало въ вискахъ, то-же испытывали и казаки. Было попрежнему ясно, только съ запада дулъ легкій вѣтерокъ, да изрѣдка появлялись на вершинахъ Эльбруса сѣрые волокна тумана. Мы стали натаивать, на фотогенной печкѣ, изъ снѣга воду, потомъ вскипятили ее и приготовили чай. Выпивъ по двѣ кружки горячаго чаю, мы сразу почувствовали себя совершенно здоровыми и готовыми продолжать путь, но было уже 5 часовъ вечера и начиналась мятель, а потому я и рѣшилъ остаться здѣсь ночевать и ждать хорошей погоды; въ 6 часовъ 40 минутъ, $t = -5^{\circ}$ Ц., мы улеглись спать. Мятель все усиливалась и началась гроза. Черезъ часъ гроза утихла, но вьюга становилась все сильнѣй и сильнѣй. Насъ совѣтѣмъ занесло снѣгомъ, и нельзя было выглянуть изъ-подъ бурки. На перевалѣ гудѣлъ вѣтеръ съ такой силой, что, казалось, содрогалась вся гора; должно быть, около 9 часовъ вечера все стихло и пересталъ итти снѣгъ. Проспавъ, по моему расчету, довольно долго, я рѣшилъ встать, но мнѣ съ трудомъ удалось выбраться изъ-подъ бурки, на которую нанесло массу снѣга, а края ея примерзли. Въ это время свѣтало. Надъ нами было ясно и термометръ Цельсія показывалъ $18,8^{\circ}$ мороза; это было 31-го іюля. Долго намъ пришлось натаивать и кипятить воду для чая. Наконецъ, мы напились и, подвизавъ съ величайшимъ трудомъ къ ногамъ кошки (при этомъ пальцы рукъ примерзали къ желѣзу), въ 7 часовъ 40 мин. начали подниматься на западную (высшую) вершину Эльбруса. Теперь со мною шли три казака, а остальные, три, вслѣдствіе тошноты и головокруженія, не могли итти. Сначала мы держались сѣвернаго направленія, потомъ повернули на западъ, и дувшій въ это время сильный вѣтеръ несъ намъ навстрѣчу дѣлыя тучи мелкаго зернистаго снѣга, который причинялъ нашимъ растрескавшимся отъ холода лицамъ нестерпимую боль. Въ это время мы, огибая съ сѣверной стороны воронку западной вершины, шли по довольно большой площади, имѣющей очень малое паденіе. Наконецъ, ровно въ 9 часовъ 20 минутъ, я

взошелъ съ сѣверо-восточной стороны на самую высшую точку Эльбруса, высота которой равняется 18,470 фут.; черезъ десять минутъ послѣ меня вошли сюда и мои казаки Дорофей Мерновъ, Дмитрій Нехорошій и Яковъ Тарановъ. Термометръ, повѣшенный мною на высотѣ 2-хъ аршинъ отъ снѣга, противъ солнца, показывалъ съ 9-ти ч. 20 м. утра до одиннадцати—8,1° Ц., а съ одиннадцати до часу пополудни онъ показывалъ—7,5° Ц.; во все это время дулъ сильный западный вѣтеръ. Въ это-же самое время въ Пятигорскѣ температура была +29,9° Ц., въ Тифлизѣ +33,7° Ц. и въ Батумѣ +34° Ц. Известно, что температура въ концѣ іюля на всемъ Кавказѣ достигаетъ наибольшаго повышенія, а потому можно предположить, что тамъ, на вершинѣ Эльбруса, термометръ никогда не поднимается выше 0, а слѣдовательно, и таянія не происходитъ, что доказываетъ и снѣгъ, на которомъ даже около скалъ незамѣтно никакихъ слѣдовъ таянія; и снѣгъ не можетъ тамъ накопиться, потому что въ сухомъ видѣ онъ легко уносится вѣтромъ и, дѣйствительно, его очень мало, а въ особенности на западныхъ и южныхъ скатахъ обѣихъ вершинъ, гдѣ онъ не покрываетъ даже мелкихъ камней. Это, въ свою очередь, можетъ служить до нѣкоторой степени доказательствомъ того, что тамъ господствуютъ западные и южные вѣтры. На сѣверныхъ-же скатахъ снѣгу довольно много и онъ тутъ лежитъ плотной массой. Обѣ вершины имѣютъ воронкообразную форму, съ прорывами краевъ противоположныхъ сѣдловинъ; на краяхъ обѣихъ воронокъ находятся по три отдѣльныхъ вершинки, причемъ на восточной воронкѣ высшая вершинка, имѣющая высоту 18,347 ф.,—скалстая, а на западной, равняющейся 18,470 ф., снѣжная, имѣющая треугольную форму. Воронкообразная форма обѣихъ вершинъ доказываетъ, что онѣ—кратеры потухшаго вулкана. Неизвѣстно, на всегда-ли уснулъ великанъ или ему суждено еще проявить свою страшную дѣятельность.

На самой высшей точкѣ Эльбруса мы поставили флагъ изъ краснаго кумача, длиною 4 аршина и шириною $3\frac{1}{2}$ аршина, на деревянномъ шестѣ, длиною 7 $\frac{1}{2}$ аршинъ. Въ двухъ саженьяхъ отъ флага воткнули палку, а въ шести саженьяхъ къ сѣверу на камняхъ поставили бутылку съ запиской; затѣмъ я фотографировалъ восточную вершину Эльбруса и часть Главнаго Кавкасскаго хребта, сдѣлавъ топографическую съемку восточной и западной вершинъ и перевала, который, впрочемъ, я набросалъ еще ранѣе. Пробывъ на вершинѣ 3 часа 40 минутъ, ровно въ часъ дня, окинувъ взглядомъ въ послѣдній разъ растлавшуюся передъ нами дивную картину, мы стали спускаться внизъ, поминутно оглядываясь на нашъ флагъ. Мы теперь направлялись на востокъ; наконецъ, при поворо-

тѣ, мы въ послѣдній разъ оглянулись на флагъ и вскорѣ потеряли его изъ виду. Затѣмъ мы начали спускаться на сѣдловину. Слѣдъ, оставленный нами утромъ, замело снѣгомъ и не было никакихъ признаковъ его; мы шли новымъ путемъ. Въ 2 часа 20 минутъ пополудни мы достигли мѣста послѣдняго нашего ночлега, гдѣ были оставлены три казака. Печальную картину представлялъ нашъ пріютъ: казаки лежали полузанесенные снѣгомъ, тамъ и сямъ видѣлись изъ-подъ снѣга оставленные нами вещи, и надъ ними змѣйками пробѣгала метелица. Начинаясь вьюга; мы наскоро устроили изъ бурки шалашъ, поставили въ него фотогенную печку и стали натаивать воду; въ то-же время мы расчищали снѣгъ и приготовляли мѣста для ночлега. Жаль, здѣсь не было такого мѣста, гдѣ можно было-бы улечься всѣмъ рядомъ, а пришлось распределиться такъ: два, два и три. Приготовивъ чай, мы разбудили спавшихъ казаковъ и стали вмѣстѣ пить и закусывать; они по-прежнему жаловались на тошноту и головную боль; но, напившись чаю, они повеселѣли и стали выражать сожалѣніе, что имъ не удалось побывать на вершинѣ Эльбруса. Эти казаки были: Огуревъ, Ванюховъ и Пулинъ. Вьюга все усиливалась, и, когда мы кончали закусывать, она уже свирѣпствовала съ страшной силой. Видѣвшееся раньше, сквозь кружившійся въ воздухѣ снѣгъ, желтымъ пятномъ, солнце теперь закрылось. Воздухъ помутнѣлъ и все смѣшалось; обѣ вершины скрылись, и вскорѣ мы перестали видѣть другъ друга; мы поскорѣй убрались подъ разостланные на приготовленныхъ мѣстахъ и придавленные по краямъ камнями бурки. Переговариваясь, мы съ трудомъ слышали голоса среди страшнаго воя бури. Я положилъ около себя казака Мернова, имѣвшаго менѣе хорошую одежду, чѣмъ другіе, и далъ ему свой полушубокъ; спросивъ у казаковъ, хорошо-ли они улеглись и получивъ утвердительный отвѣтъ, я окончательно закупорился подъ буркой и вскорѣ подъ завываніе бури заснулъ. Не знаю, какъ долго я спалъ, только, проснувшись, я услыхалъ говоръ двухъ казаковъ; одинъ изъ нихъ жаловался, что ему холодно; тогда я разбудилъ спавшаго около меня казака, велѣлъ ему немного подвинуться, подвинулся и самъ и, позвавъ казака, который жаловался на холодъ, велѣлъ ему лечь между нами. Но лишь только онъ поднялъ одинъ край покрывавшихъ насъ бурокъ, цѣлая масса снѣгу посыпалась на насъ. Мы поскорѣе уложили казака и закрыли бурки. Онъ, бѣдный, дрожалъ и стучалъ зубами. Мы его хорошенько укрыли, сдавили съ обѣихъ сторонъ и онъ все тише и тише сталъ трястись, а минутъ черезъ десять уснулъ блаженнымъ сномъ. Когда ложился къ намъ казакъ, я выглянулъ изъ-подъ бурки: было уже темно, настала ночь. Намъ было тепло, только лежавшій на бур-

какъ снѣгъ парядно давилъ насъ, да камни, на которыхъ мы лежали, давали себя чувствовать. При этомъ было еще одно неудобство, что нельзя было поворачиваться съ одного бока на другой, а пришлось проспать всю ночь въ одномъ положеніи.

Всю ночь выла страшная буря, но къ утру она достигла невѣроятной силы. Былъ уже день, когда я выглянулъ изъ-подъ бурки. Что творилось надъ нами—невозможно описать. Въ воздухѣ неслись буквально цѣлыя тучи снѣга и нельзя было разобрать, падалъ-ли онъ сверху или только, поднятый съ земли, онъ страшнымъ ураганомъ несся въ пространство. Надъ спавшими казаками лежали сугробы снѣга и никакъ нельзя было подумать, что подъ этими сугробами находятся живыя существа. На улучшение погоды не было никакой надежды, а потому я и рѣшилъ, сейчасъ-же спускаться внизъ; при этомъ сталъ обдумывать, какъ и какимъ путемъ лучше спуститься. Представлялось два пути: итти на югъ, откуда пришли—значитъ итти навстрѣчу урагану и тысячамъ трещинъ, которыя мы оставили за собой и между которыми такъ удачно прошли прежде; итти на сѣверъ, за вѣтромъ, было-бы несравненно легче, но тамъ былъ совершенно неизвѣстный для насъ путь и мы очень легко могли сорваться съ какого-нибудь обрыва или полетѣть въ бездонную ледяную пропасть; а если-бы даже мы и спустились благополучно, то очутились-бы по крайней мѣрѣ въ 40-а верстахъ отъ оставленныхъ внизу казаковъ и лошадей; на востокъ или западъ итти—объ этомъ нечего было и думать, а потому я и рѣшилъ, отправиться по прежнему пути. Я окликнулъ казаковъ и велѣлъ имъ собираться. Вотъ заколыхались сугробы и изъ нихъ стали показываться, какъ изъ могилъ, казаки. Оставленные ими мѣста въ одно мгновеніе заносились снѣгомъ, и на нихъ уже снова лечь нельзя было иначе, какъ навсегда, потому что каждаго изъ насъ, какъ только кто вставалъ, моментально облѣпляло всего снѣгомъ, подъ полой самага пояса набивало его; а одежда, оставленная на минуту на землѣ, покрывалась цѣлымъ сугробомъ, изъ-подъ котораго приходилось ее вытаскивать. Теперь уже ожидать чего-нибудь и медлить нельзя было, а потому мы начали поскорѣй собираться. Повыкопали изъ снѣга вещи, подвязали къ ногамъ кошки, связались веревкой и въ первый разъ повернулись прямо лицомъ къ урагану; потомъ, по командѣ „съ Богомъ“, тронулись въ путь. Мы шли опять въ прежнемъ порядкѣ: я впереди, а за мной казаки, на разстояніи 2-хъ саженой другъ отъ друга. Но что это было за шествіе! Мы вали въ снѣгъ выше коленъ, при этомъ надо было преодолевать силу дувшаго навстрѣчу намъ вѣтра; а снѣгъ залѣпывалъ глаза, набивался въ ротъ, въ носъ, и бывали моменты, когда поло-

жительно захватывало дыхание; несмотря на все это, мы хотя медленно, но безостановочно подвигались вперед, пока я по покатоности могъ опредѣлять, что мы идемъ по сѣдловинѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ трещинъ и обрывовъ. Но вотъ покатость сразу измѣнилась; это показало мнѣ, что сѣдловина кончилась, и теперь, чтобы не попасть намъ въ пропасть, мы должны были повернуть налѣво; но подъ какимъ угломъ повернуть? Этого положительно нельзя было опредѣлить. Кругомъ ничего не было видно, я едва могъ видѣть только перваго изъ шедшихъ за мной казаковъ, а остальные уже скрывались въ снѣговой пыли. По компасу въ данномъ случаѣ ориентироваться тоже нельзя было, а потому, повернувъ налѣво, т. е. на юго-востокъ, я сталъ держаться почти горизонтальнаго направленія, ибо, идя такимъ образомъ, можно было, по крайней мѣрѣ на разстояніи одной версты, набѣжать всякихъ обрывовъ и трещинъ. Вотъ по приблизительному расчету мы прошли такое разстояніе и теперь снова должны были повернуть на югъ. Но теперь совсѣмъ ужъ нечѣмъ было ориентироваться; какъ я ни старался вглядываться въ окружающую насъ мглу, въ надеждѣ увидеть какую-нибудь скалу или хотя-бы камень, всѣ усилія мои оставались напрасны. Но долго стоять на одномъ мѣстѣ нельзя было, насъ заносило снѣгомъ, а потому надо было двигаться впередъ, и мы двинулись, но только теперь приходилось оцупывать мѣсто для каждаго шага; при этомъ были еще такія минуты, когда не видно было носка сапога на вытянутой ногѣ. Чѣмъ ниже спускались, тѣмъ болѣе вязли во вновь нанесенный снѣгъ, что еще болѣе затрудняло движеніе впередъ. Мы шли такъ болѣе часа, причемъ я почти на каждомъ шагу останавливался и оглядывался кругомъ, въ надеждѣ, увидѣть что-нибудь, чѣмъ можно было-бы ориентироваться; но ничего не было видно, по-прежнему кругомъ было мутно и сѣро. Вдругъ слышу голосъ шедшаго за мной казака, который молящимъ тономъ просить у меня разрѣшенія отвязаться и остаться здѣсь, чтобы поскорѣй замерзнуть, говоря, что онъ усталъ и дальше идти не можетъ. Но въ голосѣ его была слышна не усталость, а совсѣмъ другое: онъ, бѣдняга, упалъ духомъ и потерялся. Я спросилъ у него, что онъ несетъ: оказалось, штативъ отъ фотографическаго аппарата и зонтикъ; я взялъ у него штативъ, а одинъ изъ казаковъ—зонтикъ; при этомъ я сказалъ ему, что мы выбрали на хорошее мѣсто и теперь пойдемъ гораздо скорѣй, а потому онъ долженъ прибавить шагу и не говорить болѣе глупостей. Послѣ этого я, дѣйствительно, прибавилъ шагу, насколько это возможно, и даже сталъ рѣже останавливаться, чтобы оглядѣться кругомъ. Мы снова долго шли, но все ничего не было видно, и теперь ужъ я положительно не зналъ, какого направленія мы держимся,

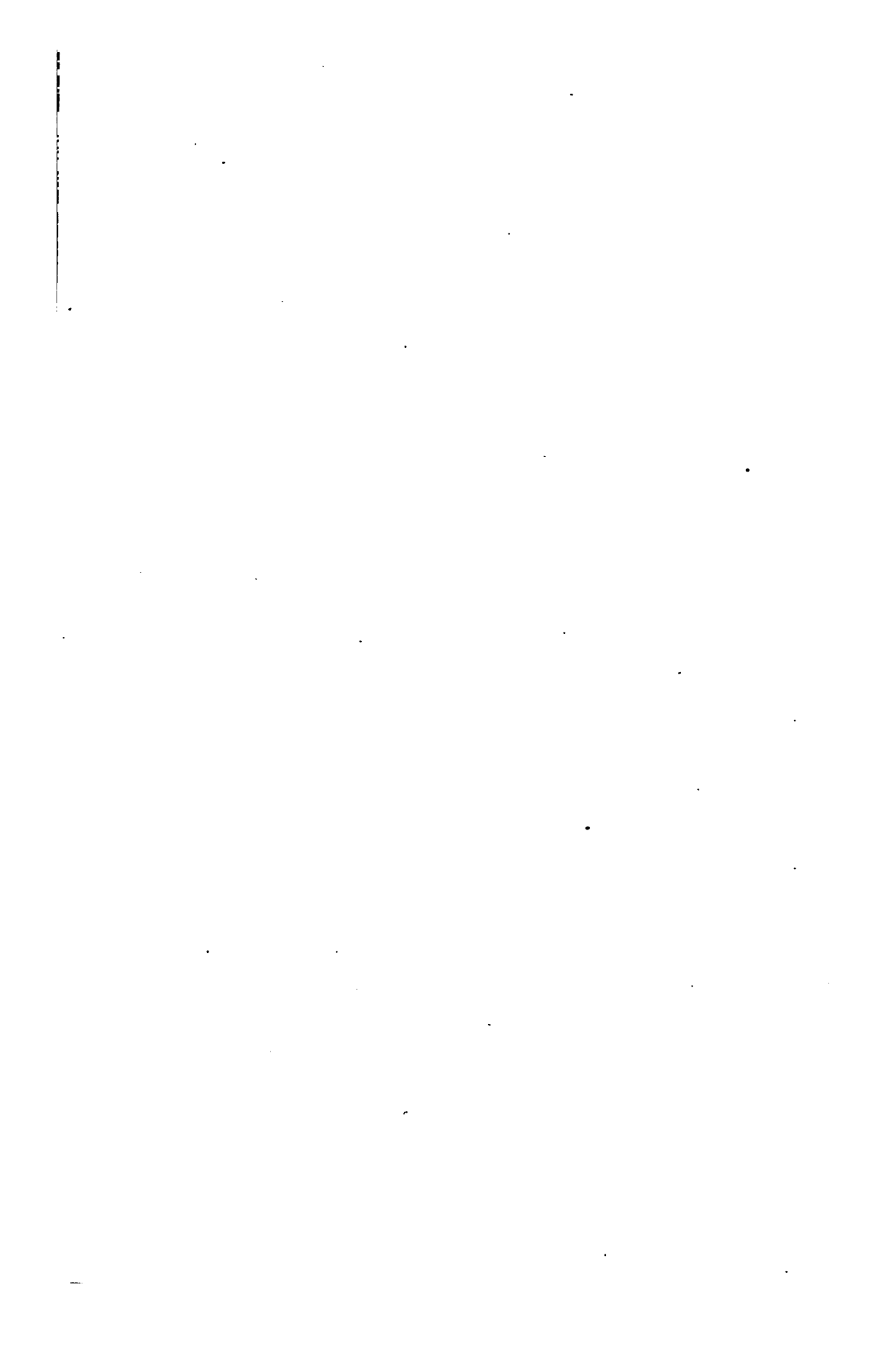
потому что за это время мы перевалили два раза через какія-то возвышенія и нѣсколько раз покатость была у насъ то съ правой, то съ лѣвой стороны. Мы положительно заблудились. Вотъ вѣтеръ какъ будто немого стихъ, потомъ сильнымъ порывомъ онъ какъ завѣсу поднялъ передъ нами туманъ; впереди насъ, на разстояніи не болѣе десяти сажени, зила страшная трещина, къ которой мы должны были, держась принятаго нами направленія, подойти подъ острымъ угломъ, а потому, сорвись я въ нее, неминуемо сдернулъ-бы туда-же и слѣдовавшаго за мной казака, а вдвоемъ ужъ мы потянули-бы за собой и всѣхъ остальныхъ; къ тому-же, съ тѣхъ поръ, какъ мы пошли быстрѣе, я не могъ оцупывать впереди себя штыкомъ снѣгъ, да мнѣ это и надоѣло. Туманъ разсѣлся всего на нѣсколько секундъ, но намъ было вполне этого довольно для того, чтобы осмотрѣться кругомъ и совершенно вѣрно оріентироваться, и хотя насъ снова окутала такая-же мгла, но мы теперь шли впередъ быстро и навѣрняка. Черезъ полчаса мы уже совершенно вышли изъ сферы бури и мятели. Какъ-будто мы выскочили изъ-подъ крышки кипящаго котла, только кипяткомъ-то ужъ былъ очень холодный. Казаки сразу повеселѣли, а когда вскорѣ мы достигли первыхъ камней и развели нашу фотогенную машинку и когда закипѣлъ нашъ чайникъ, тутъ ужъ веселью не было конца; казаки шутили, смѣялись, острили и даже пѣли. Закусивъ и отдохнувъ немного, мы снова отправились въ путь. Выше насъ, надъ вершинами Эльбруса, по-прежнему свирѣпствовала вьюга. Надъ Баксанскимъ ущельемъ было чисто. На западъ отъ насъ по всему Главному хребту лежали красивыя кучевыя облака; а на востокъ тотъ-же самый хребетъ со всѣми его отрогами сплошь былъ покрытъ туманомъ, поверхность котораго была совершенно гладкая, причемъ онъ понижался въ обѣ стороны хребта, по мѣрѣ пониженія его отроговъ, образуя куполы надъ выдающимися вершинами и производи впечатлѣніе крыши, покрывающей чудовищное зданіе. По пути я фотографировалъ начало ледника Азау и часть Главнаго Кавкасскаго хребта. Теперь мы уже шли между ледниками Азау и Гарабаша, западнѣе пути, по которому поднимались. Вскорѣ мы спустились на снѣговую равнину, по которой журча, катилось множество ручьевъ, сливаясь въ одну большую рѣчку, причудливо павивавшуюся по снѣговому полю и далѣе теряющуюся между камней; вода въ ней была такъ прозрачна и такъ заманчиво журчала, что, не чувствуя жажды, всетаки хотѣлось пить. Пройдя эту снѣговую равнину, мы наконецъ достигли твердой земли; тутъ мы отвязали кошки и, прыгая съ камня на камень, бѣгомъ пустились внизъ; при этомъ мѣстами приходилось съ страшною быстротою катиться по мелкому

щелбию; вскорѣ мы очутились на зеленой травкѣ и тутъ побѣжали еще быстрѣй, а черезъ часъ или немнога больше мы уже были у нижняго конца ледника Азау, среди прекраснаго сосноваго лѣса, въ 3-хъ верстахъ выше того мѣста, откуда начали восхожденіе и гдѣ оставили казаковъ и лошадей, за которыми я и послалъ сейчасъ-же двухъ казаковъ; съ остальными сталъ готовить ужинъ. Не могу сказать, въ которомъ часу мы спустились, ибо часы мои остановились еще ночью, такъ какъ я днемъ забылъ ихъ завести. Весь путь нашъ, начиная отъ хутора, гдѣ мы оставили казаковъ съ лошадьми, до вершины и обратно до конца ледника Азау, считая всѣ выгибы, составилъ разстояніе около 35 верст, причемъ мы сдѣлали подъемъ въ 11,526 фут.

2-го и 3-го августа всѣ горы, окружающія Баксанское ущелье, были покрыты облаками и по нѣсколько разъ въ день шелъ дождь. 4-го августа нѣсколько разъяснилось и я съ двумя оставшимися при лошадяхъ казаками отправился по леднику Азау въ западномъ направленіи и въ разстояніи 2¹/₂ верстъ отъ конца его, взобравшись на скалы, находящіяся на высотѣ въ 10,000 фут., фотографировалъ оттуда Эльбрусъ. На обратномъ пути мы въ трехъ мѣстахъ на ледникѣ Азау, перпендикулярно къ его направленію, обозначили каменными турами линіи, которыя могутъ указать, если удастся когда-нибудь видѣть ихъ мнѣ или кому-нибудь другому, на скорость движенія этого ледника. 5-го числа я еще фотографировалъ одинъ видъ, въ 12 часовъ дня приказалъ казакамъ сѣдлатъ лошадей и мы отправились въ обратный путь. Въ этотъ день я рассчитывалъ доѣхать только до озера Донгузъ-орунъ-кель, гдѣ я намѣревался ночевать, а на другой день, рано утромъ, когда ледникъ подмерзнетъ, перебраться черезъ него. Это тотъ самый ледникъ, въ которомъ мы погребли лошадь. Дорогой я еще разъ фотографировалъ Эльбрусъ. Къ озеру мы пріѣхали очень рано и тутъ застали нѣсколько свановъ съ большимъ гуртомъ скотины, состоявшимъ изъ быковъ, коровъ, телятъ, козловъ и овецъ; оказалось, что они гнали всю эту скотину въ Сванетію и остановились здѣсь ночевать, такъ-же какъ и мы, въ ожиданіи утренняго мороза. Но, на наше несчастіе, вмѣсто мороза всю ночь лилъ дождь, и ледникъ, какъ потомъ оказалось, вмѣсто того, чтобы подмерзнуть, совсѣмъ раскисъ. На другой день, утромъ пока мы пили чай и сѣдали лошадей, сваны собрали свою скотину и двинулись въ путь, а вскорѣ послѣ нихъ поѣхали и мы. Подъѣжая къ леднику, мы замѣтили, что сваны со своей скотиной приближались къ нему далеко восточнѣе отъ того мѣста, гдѣ мы прежде спустились. Вотъ они дошли до ледника и скотина, двигавшаяся безпорядочной массой, обгоняя и толкая другъ дружку, остановилась



Часть запа



какъ вкопанная. Тогда одинъ изъ свановъ зашелъ впередъ и, ощупывая передъ собой штыкомъ ледъ, пошелъ по немъ; какъ только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, вслѣдъ за нимъ двинулся одинъ козель, потомъ другой, третій и т. д., до послѣдняго; затѣмъ выстроились въ такомъ-же порядкѣ всѣ овцы, коровы, телята и быки. Надо было видѣть, чтобы оцѣнить всю прелесть этой картины, какъ эта живая лента, извиваясь змѣйкой, двигалась по леднику, сохраняя замѣчательную стройность, которая не нарушалась и во время остановокъ, случавшихся каждый разъ, какъ только шедшій впереди сванъ останавливался передъ какимъ нибудь сомнительнымъ мѣстомъ. Мы пошли по этому-же пути. Проходя мимо того мѣста, гдѣ погибла лошадь, я замѣтилъ, что провалъ этотъ значительно удлинился и уширился, но дна по-прежнему въ немъ не было видно; а провалъ, изъ котораго мы вытащили лошадь, теперь превратился въ громадную трещину, перегораживавшую намъ путь, обойдя которую мы черезъ нѣсколько минутъ снова очутились на географическомъ рубежѣ Европы и Азіи.

А. Пастуховъ.

(Въ этому сообщенію приложена планъ вершины Эльбруса).
